Стива не нужно было просить — он приподнялся и откинул килт с затвердевшей, вставшей плоти. Баки на миг прикрыл глаза, переводя дыхание — он боялся выкипеть в пар вместе с бурлящим внутри желанием. А когда открыл, Стив начал медленно, с выражением полного экстаза на лице, насаживаться на него, сдавливать собой, жаром своего худого тела. Баки не дождался, не смог совладать с животным инстинктом, дёрнулся вверх. Стив резко вскрикнул, из его глаз потекли алые слёзы. Он до боли стиснул своими острыми пальцами ноги Баки, словно упреждая, выпрашивая передышку, но того было уже не остановить. Он жадно долбился в горячее, тугое и до того узкое, что самому впору плакать от боли, накрепко перемешанной с блаженством. Баки никогда и ни с кем не испытывал того, что чувствовал сейчас — всем телом, каждой его частью. Его плавило нестерпимое удовольствие. Он хотел прорасти в Стива. Пробиться насквозь. Видеть, как его член рывками натягивает изнутри кожу на худом, впалом животе. И он на самом деле видел это. Видел, как они срастаются в одно. И от этого в голове становилось жарче, муторнее — и он хотел ещё больше, сильнее, глубже. Стив надсадно закричал.

И Баки, не пытаясь удержаться, замычал в прикушенные губы и излился внутрь, со всей силы притянув Стива за бедро, насадив на себя. Судороги били его одна за одной, утягивая в омут непрекращающегося удовольствия, и Баки словно видел — как если бы Стив на мгновение стал полупрозрачным — как белёсое семя заполняет его, а собственная набухшая головка не даёт вытечь ему наружу. Они повязались, как вяжутся собаки в гоне, соединились в одно, и Баки не собирался выпускать Стива от себя ближайшую вечность.

Он замер, чувствуя, как судороги наконец стихают, и удовольствие из ненормально-яркого, неестественного становится тёплым и будто липким. Он посмотрел на Стива, пытаясь что-то сказать… пытаясь утешить, погладить хотя бы взглядом по лицу, волосам, тонкой шее.

Но Стив улыбнулся вдруг как-то неправильно, не по-настоящему. Больная улыбка застыла гримасой, оскалом на красивом лице. Взметнулась рука, Баки не успел понять, как, не смог ни крикнуть, ни рта раскрыть — он задыхался от ужаса, в кулаке Стив сжимал рукоять кривого костяного клинка. Баки видел такие. Клинки для жертвоприношений. Лицо Стива стало чужим, застывшей маской чудовища.

Он со всей силы опустил руку вниз, не раздумывая. И вспорол Баки живот.

Боль захлестнула неостановимым потоком. Друид бил и бил, брызги крови запачкали его задранную рубаху, он шептал только: ненавижу, ненавижу, ненавижу. Баки хотел орать, но не мог открыть рта. Его губы срослись, и даже стоны боли и ужаса выходили едва различимыми за отвратительным чавканьем. Сознание туманилось, терпеть не было никаких сил. Хотелось орать, чтобы заглушить взбесившиеся ощущения плоти, как его режут наживую.

Друид запустил руку в мешанину крови, кожи и мышц на его животе — словно в кого-то другого — и вытянул кулак с зажатой в нём кишкой. И рывком дёрнул вбок. Он улыбался.

Боли уже не было, только огромный ком пульсирующего вокруг него ужаса. Баки растворился, почувствовал, как сознание ускользает и глаза закатываются сами собой.

— Ванда, нет! Прекрати, ты убьешь его! Остановись!

Голос порвал кокон, как молния разрезает темное грозовое небо. Чистый, звонкий, совсем без хрипа. Сильный голос.

Баки распахнул глаза. Все тело болело, но Стива с ножом сверху не было. Стук сердца оглушал. Ведьма стояла у шкуры с протянутой в его сторону рукой, и глаза её, безумные, отсвечивали алым. Стив стоял в том месте, где тропа выводила на поляну, прямой как палка и до страшного бледный. Он загнанно дышал, опираясь на посох. В его свободной руке висела тушка кролика.

Помедлив всего миг, он замахнулся и кинул её в сторону ведьмы, и тушка мягко шлёпнулась на мох прямо у её ног.

— Возьми это взамен. Тебе ведь хватит. Оставь его для меня. Он больше не потревожит. Я… — он вздохнул, мимолетно скривившись, словно слова давили на него своим весом, — даю слово.

Ведьма подняла подношение, надкусила у шеи сквозь мех, подцепила длинным ногтем и ловким движением, словно это было легко и просто, рывком сняла с кролика шкуру, откинула ее в сторону на мох. И начала есть. Баки закрыл глаза.

— Идём, — позвал его Стив словно издалека, из темноты. — Пожалуйста, вставай, идём. Я не могу подойти ближе, — признался он. Смотрел так, что Баки мог взяться за этот взгляд, как за руку.

Он приподнялся, чтобы осмотреть живот. Он должен был умереть от кровопотери и выдернутой наружу кишки… Его живот был цел. На коже наливались синяки, но он был цел. Он лежал с задранным килтом весь перепачканный собственным семенем, и его член только-только начал опадать после того, как излился.

Осознание произошедшего окатило Баки волной огня. Это было ещё хуже, чем страх. Он не мог сказать, отчего так отвратительно гадко внутри, но он смог найти в себе силы подняться. Сначала на четвереньки, перекатившись на бок. А затем и на ноги. Его качало, и снова хотелось блевать. Он согнулся, но ничего не смог извергнуть из себя, только подавился спазмами.

А потом развернулся к друиду — и пошел. Настойчиво, с усилием переставляя ноги. Сначала медленно, потом все увереннее и быстрее. За спиной по-животному чавкала одичавшая от теплой крови ведьма. Стив потянул к нему руку, когда он приблизился.

Баки зло скривился и оттолкнул ее, не обращая внимания, как друид покачнулся от тычка.

А затем он побежал. Неуклюже, на одной своей сжигающей злости и лютой ненависти,

подальше отсюда.

Сумасшедшая ведьма не сделала ничего особенного. Просто показала ему правду, каким он был на самом деле и чего заслуживал. Она была права, она должна была получить его. Зря друид вмешался.

Баки бежал по вымороженной тропе, обдирал кожу о торчащие еловые сучья и задыхался. Его глаза не видели ничего, все расплывалось. Он бежал и не знал, что ему делать дальше. Отвратительное внутри него проснулось и медленно ворочалось, предвкушая.

http://tl.rulate.ru/book/3459/83619